

передачи хурритского текста: syllabическая транслитерация; фонетическая и фонематическая транскрипция; наконец, наиболее часто – условная транскрипция (такая же или очень близкая применяется в большинстве хурритологических исследований в последние десятилетия). Если правила первых трех способов ясны и всегда соблюдаются, то принципы условной транскрипции, напротив, объяснены (с. 44) недостаточно, непоследовательны или нарушаются: так, в интервокальной позиции могут произвольно применяться знаки для звонких и для глухих согласных; для обозначения одного и того же звука (или фонемы) вперемешку используются буквы *f* и *p*; *v* и *w*; *z*, *š* и *s*. В разделе о морфологии имени (с. 46–70) по неясной причине не упоминаются достаточно продуктивные именные суффиксы типов *-Vp-*, *-Vr-*, *-Vl-* и *-(V)k-* (дими́нутивный)<sup>22</sup>. Наконец, общий недостаток работы – отсутствие библиографии и полных ссылок на многие из цитируемых работ.

Впрочем, очевидно, что названные неточности и упущения малосущественны. Вне всякого сомнения, монография И. Вегнер представляет собой выдающееся исследование, призванное обобщить современные знания, и в то же время полноценное учебное пособие. Иметь эту книгу под рукой необходимо каждому, кто работает с хурритским языком или изучает его.

И. С. Архинов

© 2003 г.

STEFAN BRENNE. *Ostrakismos und Prominenz in Athen: attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka* (Tyche, Supplementband 3). Wien: Holzhausen, 2001. 466 s.\*

В мировом антиковедении уже около трех десятилетий не появлялось монографических исследований, специально посвященных институту остракизма в классических Афинах<sup>1</sup>. О причинах такого положения будет сказано чуть ниже, пока же отметим, что ввиду важности этого института, его истории и функционирования для политической системы афинской демократии необходимость заполнения упомянутой историографической лакуны с каждым годом ощущалась все в большей степени. Теперь, наконец, после столь длительного перерыва в распоряжении специалистов оказалась монография, в заглавии которой фигурирует слово «остракизм». Автор этого довольно увесистого тома<sup>2</sup> – немецкий исследователь Штефан Бренне, уже и ранее известный как автор нескольких интересных работ об остракизме и острака<sup>3</sup> и как один из составителей перечня имен, фигурирующих на острака с афинского Керамика<sup>4</sup>.

В предисловии к книге (с. 15–16) Ш. Бренне говорит об истории ее создания. Интерес к глиняным черепкам, игравшим роль бюллетеней в ходе проведения остракизма, зародился у него уже в студенческие годы, когда, побывав на раскопках в Греции, он смог воочию увидеть в фондах афинского отделения Германского археологического института тысячи острака, найденных в 1960-х годах на Керамике и еще не опубликованных. Дальнейшим занятиям молодого ученого данной проблематикой способствовало его участие в семинаре под руководством одного из крупнейших в XX в. специалистов в области изучения остракизма и острака –

<sup>22</sup> Ср. Там же. С. 62–70.

\* Работа выполнена при поддержке РФГФ в рамках проекта «Институт остракизма в Афинах классической эпохи» (код проекта 02-01-00010a).

<sup>1</sup> Последние примеры: *Vanderpool E. Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970; Thomsen R. The Origin of Ostracism: a Synthesis. Copenhagen, 1972.* Из более поздних работ можно назвать лишь книгу М. Лэнг, но это не монография в собственном смысле слова, а публикация острака с Агоры, предваряемая лишь краткой вводной статьей об остракизме, – *Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990.* Разумеется, количество статей по различным аспектам остракизма значительно больше, только за последнее десятилетие они исчисляются десятками. Указание на важнейшие из этих статей см. *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднереспубликанской и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 171. Прим. 23.*

<sup>2</sup> По своему объему рецензируемая монография может быть сопоставлена разве что с трудом Ж. Каркопино, который и по сей день продолжает оставаться наиболее фундаментальным исследованием об афинском остракизме (*Carcopino J. L' ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935*).

<sup>3</sup> *Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1992. 107. S. 161–185; idem. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24.*

<sup>4</sup> *Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. 106. S. 147–156.*

А.Э. Раубичека<sup>5</sup>. В 1994 г. Ш. Бренне защитил в Тюбингене диссертацию, представлявшую собой просопографическое исследование имен на острака. Именно эта диссертация и была семь лет спустя издана им в виде рецензируемой здесь книги. Тем временем автору было поручено подготовить полную публикацию острака с Керамика. Такая публикация, естественно, является весьма сложным и трудоемким мероприятием; на момент выхода монографии в свет она еще не была осуществлена.

Таким образом, Ш. Бренне, работая над интересовавшими его проблемами, заведомо находился в значительно лучшем положении, нежели большинство других специалистов, занимающихся сходной проблематикой, поскольку в его распоряжении находился грандиозный (около 9 тысяч экземпляров) комплекс неизданных памятников. Следует сказать без обиняков, что именно чрезмерная, на наш взгляд, задержка публикации острака с Керамика стала одной из главных причин замедления темпов исследования истории остракизма, наблюдающегося с 1970-х годов и по сей день. Как уже говорилось, статей об этом институте появляется немало, а вот написать о нем монографию, которая охватывала бы все основные аспекты изучаемого феномена, не берется никто. И это вполне понятно: без детального знакомства с самым крупным комплексом острака любые общие рассуждения об остракизме окажутся устаревшими.

Впрочем, и автор рецензируемой работы отнюдь не ставил перед собой задачу написать целостную историю остракизма. Название его книги можно было бы перевести на русский язык как «Остракизм и политическая элита<sup>6</sup> в Афинах: аттические граждане V в. до н.э. на острака». Таким образом, внимание Ш. Бренне сосредоточено в первую очередь на проблемах просопографии. Собственно, именно так он и обозначает во вводной I главе (с. 17–29) цели и задачи своего исследования: попытка изучить социальное и политическое положение отдельных лиц, упоминаемых на острака, а затем путем сведения полученных результатов воедино прийти к выводам, относящимся ко всей группе, к которой принадлежали эти лица. Что же касается определения этой группы, то у автора не возникает сомнения: в своем подавляющем большинстве те граждане, чьи имена фигурируют на черепках-«буллетенях», должны были принадлежать к афинской социальной и политической элите. И действительно, институт остракизма по самой своей сути был направлен именно против представителей самого высшего слоя гражданского коллектива, против тех афинян, которые казались «чрезмерно» влиятельными и поэтому заслуживающими десятилетнего изгнания из полиса (если можно так выразиться, в профилактических целях). Разумеется, из каждого правила бывают свои исключения; вполне возможно, что на острака появляются (скажем, по причинам личного характера) и имена безвестных, не пользовавшихся влиянием граждан. Но, во-первых, можно смело утверждать, что имена такого рода будут в значительном меньшинстве. Во-вторых же, на то и служит научный арсенал просопографии как вспомогательной исторической дисциплины (а этот арсенал применительно к истории классических Афин в последние десятилетия был существенно усовершенствован благодаря работам Дж. Дейвиса, П. Бикнелла, К. Моссе и др.), чтобы путем комплексного анализа разных категорий источникового материала делать более или менее ответственные выводы об идентификации и статусе ранее неизвестных из нарративной традиции персоналий.

Таким образом, остракизм как институт афинской демократии сам по себе мало интересует Ш. Бренне. Этот исследователь, как сразу становится ясным для читателя, принадлежит к тому направлению в антиковедении, которое выдвигает во главу угла изучение не институтов, а факторов неинституционального характера – политических групп, элит и т.п. По выражению критикующего это направление М. Хансена, акцент смещается с «политической анатомии» на «политическую физиологию» или с «политической морфологии» на «политический синтаксис»<sup>7</sup>. Соответственно, автор рецензируемой работы лишь мимоходом касается во вводной главе основных аспектов истории остракизма, сообщая необходимый минимум сведений об этой процедуре (время учреждения, способ проведения и т.п.).

II глава книги (с. 30–48) целиком посвящена хронологическим проблемам, связанным с острака. Необходимо сразу отметить, что датировка этих памятников в силу ряда их особенностей за-

<sup>5</sup> О нем см. *Jameson M.H. Antony Erich Raubitschek, 1912–1999 // AJA. 1999. 103. 4. P. 697–698.*

<sup>6</sup> Ш. Бренне употребляет в заголовке труднопереводимое слово *Prominenz*; в тексте работы его синонимом часто выступает слово *Führungsschicht*, которое, насколько можно судить, означает в данном случае примерно то же, что имела в виду К. Моссе, вводя в своих работах термин *la classe politique* (например: *Mossé C. La classe politique à Athènes au IV<sup>ème</sup> siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 67–77.* На русский язык оба термина наиболее уместно, на наш взгляд, было бы перевести как «политическая элита».

<sup>7</sup> *Hansen M.H. The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 263.*

частую порождает значительные сложности. В наибольшей мере сказанное относится к самому крупному комплексу острака, открытому, как говорилось выше, немецкими археологами на Керамике. Существуют две основные даты, предлагавшиеся для этой находки: 480-е годы до н.э. (а конкретно – 486 г., когда остракизмом был изгнан Мегакл из рода Алкмеонидов, поскольку около половины острака этой группы несут именно его имя)<sup>8</sup> и 470-е годы до н.э. (в таком случае ее относят к крайне проблематичному второму остракизму Мегакла, о котором сообщает, к тому же в крайне тенденциозном контексте, лишь один автор – Лисий, XIV. 39)<sup>9</sup>. Ш. Бренне в рассматриваемой здесь монографии, как и ранее<sup>10</sup>, придерживается последней точки зрения.

В случае с острака с Керамика обычные критерии датировки, к которым традиционно обращаются, работая с памятниками подобного рода (особенности палеографии, археологический контекст и т.п.), в большинстве своем неприменимы, поскольку речь идет о слишком незначительной разнице во времени: между 480-ми и 470-ми годами лежит всего лишь десятилетие. Палеография за это время не могла сколько-нибудь существенно измениться, а археологический контекст способен стать определяющим фактором лишь тогда, когда стратиграфия раскапывавшегося участка предельно ясна и непротиворечива; на Керамике же ситуация значительно сложнее. В рамках краткой рецензии мы не имеем возможности детально остановиться на рассматриваемом вопросе и надеемся сделать это в специальной работе. Пока же отметим лишь, что точки над *i* расставлять еще рановато, и безоговорочная уверенность Ш. Бренне в своей правоте выглядит не вполне понятной. Далее, кратко остановившись на проблемах датировки острака с агоры – второго, наряду с Керамикой, места крупномасштабных находок этих памятников<sup>11</sup>, – автор делит все известные на сегодняшний день острака с хронологической точки зрения на четыре фазы: первая – 480-е годы до н.э. (ранние находки с агоры), вторая – 471 г. до н.э. (с такой явно чрезмерной точностью датирует Ш. Бренне нижний слой комплекса острака на Керамике), третья – с 460-х по 430-е годы до н.э., четвертая – черепки, дошедшие от последней остракофории, имевшей место в середине 410-х годов до н.э. (материал последних двух фаз встречается и на агоре, и на Керамике).

III глава (с. 49–72) посвящена проблемам ономастики. Подробно до многословности, порой воспаряя в метафизические сферы, автор излагает вещи, в общем-то, достаточно очевидные. Наверное, ни в одном из обществ, существовавших в истории человечества, имена не давались абсолютно произвольно. Сознательно это или оставалось на уровне бессознательного, но в данной сфере всегда проявлялись определенные закономерности, которые обуславливались общим характером социума. Говоря о классических Афинах, к закономерностям такого рода следует причислить: обычай давать детям имена предков или родственников (чаще всего – деду, реже – отцу, дяди либо лица иной степени родства), а также отражать в семейном ономастике матримониальные и ксенические связи<sup>12</sup>; проявление на уровне ономастики идеологических элементов (прежде всего речь идет об аристократической идеологии и системе ценностей); формирование комплексов имен, употребительных в рамках той или иной семьи (так, встречая имя Мегакл, можно быть полностью уверенным в том, что его носитель являлся по мужской или женской линии выходцем из рода Алкмеонидов) и т.п. Отмеченные закономер-

<sup>8</sup> Этой датировки придерживаются: *Guarducci M. Epigrafia greca. V. 2. Roma, 1969. P. 527; Mattingly H.B. Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. 14. 2. P. 288; idem. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 26; Frost F.J. Themistocles and Mnesiphilus // Historia. 1971. 20. 1. S. 20–25; Thomsen. Op. cit. P. 93; Williams G.M.E. The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. 31. S. 103–113; Phillips D.J. Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 27; Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. 4. S. 100; Lang. Op. cit. P. 5; Culasso Gastaldi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. 8. 2. P. 253–271. На той же позиции стоит и автор этих строк. См. *Суриков И.Е.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146; *он же.* К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79.*

<sup>9</sup> Исследователи, разделяющие позднюю датировку: *Lewis D.M. The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1974. 14. 1. S. 1–4; idem. Megakles and Eretria // ZPE. 1993. 96. S. 51–52; Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracised Twice? // L'Antiquité classique. 1975. 44. 1. P. 172–175; idem. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. 31. 2. S. 171; Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale // MDAI (A). 1991. 106. S. 137–145.*

<sup>10</sup> *Brenne. «Portraits»... S. 162.*

<sup>11</sup> Датировки острака с агоры были существенно прояснены в работе Лэнг (Op. cit.), так что теперь они в большинстве своем не порождают неразрешимых трудностей.

<sup>12</sup> Ср. *Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // CQ. 1990. 40. 2. P. 349–363.*

ности, безусловно, облегчают работу по идентификации социальной, а зачастую и родовой принадлежности афинян, упоминаемых на острака.

В небольшой по размеру IV главе (с. 73–86), связанной по тематике с предыдущей, автор говорит о влиянии клисфеновских реформ на афинскую ономастику. Как известно, при Клисфене был введен новый элемент официального гражданского имени – демотик, обозначение принадлежности к дему. Однако и патронимик («отчество»), вопреки утверждению Аристотеля (Ath. pol. 21. 4), не был отменен; он лишь стал факультативным, употребительным в частной, а не политической сфере. В конечном счете, к середине V в. до н.э. в Афинах эмпирически утвердилась схема гражданского имени «личное имя + патронимик + демотик»<sup>13</sup>. Интересно проследить, как отражались изменения состава имени в надписях на острака. Если взять те из этих памятников, которые относятся к первой половине V в. до н.э. (а таких абсолютное большинство, и только они позволяют делать какие-то наблюдения статистического характера), то оказывается, что в массе своей афиняне по-прежнему чаще употребляли при личном имени патронимик, нежели демотик. Больше всего надписей с демотиком на острака, направленных против «нового политика» Фемистокла, но даже и в его группе процент «бюллетеней» с патронимиком все-таки выше. Ш. Бренне полагает, что патронимик чаще стоит при именах тех политических деятелей, которые были хорошо известны согражданам и особенно тех, которые происходили из городских демов, а выходцы из демов сельских, напротив, обычно упоминаются вкуче с демотиком. Впрочем, есть и иная (более нам импонирующая) точка зрения: словоупотребление на острака больше говорит не о тех людях, чьи имена на них стоят, а о тех, кто их надписывал<sup>14</sup>. Иными словами, аристократы, особенно городские, по старой привычке называли своих сограждан «по имени-отчеству», а рядовым гражданам, выходцам из сельских демов, было легче перейти на новую систему именования.

Самая объемная (около половины всего текста книги) и наиболее богатая фактическим материалом V глава (с. 87–314), представляет собой комментированный просопографический каталог 272 лиц, упоминаемых на острака (в подавляющем большинстве самих «кандидатов» на изгнание и их отцов, ставших известными из патронимиков). Автор прилагает максимум усилий, чтобы дать более или менее точную идентификацию тех из этих афинян, которые ранее не были известны из источников. В некоторых случаях это оказывается несложно, но по большей части поставленная задача требует привлечения в сопоставительных целях обширного параллельного ономастического и просопографического материала. С истинно немецкой скрупулезностью Ш. Бренне сводит воедино все данные, которые могут иметь хоть какое-то отношение к рассматриваемому в каждый данный момент лицу: сообщаемые нарративной традицией и надписями сведения об афинянах, носивших такое же, схожее или частично совпадающее имя. Нам даже показалось, что порой эта скрупулезность исследователя доходит до ненужного педантизма. Приведем один характерный пример. В венском Музее истории искусства хранится черепок (приобретенный у афинского антиквара) с надписью «Лисий, сын Евмора, мегарянин». Нельзя с уверенностью утверждать, что это остракон (и действительно, с какой бы стати в Афинах стали голосовать за изгнание мегарянина?); более того, есть сильные подозрения, что этот памятник вообще является подделкой. Тем не менее Ш. Бренне очень тщательно разбирает параллельный материал по именам Лисий и Евмор, приводя, например, всю известную информацию о носителях имен Мойрид, Мойрокл, Мойраген и т.п. Именно так он поступает и в подавляющем большинстве других случаев – при этом зачастую для того, чтобы в конечном счете сделать неутешительный вывод: идентификация невозможна.

Справедливости ради следует сказать, что чаще усилия автора все же увенчиваются успехом. Не со всеми его тезисами, высказываемыми по поводу имен на острака, мы можем согласиться (так, Миронид, сын Каллия, из Флии, известный полководец V в. до н.э., был скорее представителем рода Кериков, а не Ликомидов<sup>15</sup>, а черепок с именем Писистрата, который Ш. Бренне вслед за М. Гвардуччи считает чьей-то шуткой на остракофорию, по нашему мнению, является настоящим остраконом, но относящимся к доклисфеновскому времени<sup>16</sup>). Однако в целом

<sup>13</sup> См. об этом процессе: Суриков И.Е. О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Восточная Европа в древности и средневековье: генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 172–176.

<sup>14</sup> Raubitschek A.E. Athenian Ostracism // Classical Journal. 1953. 48. 4. P. 118–119.

<sup>15</sup> Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 87–88. Об острака с именем Миронида см. также Berti M. Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 77–109.

<sup>16</sup> Подробнее см. Суриков И.Е. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // Нурбореус. 2000. 6. 1. P. 114–115.

проделанная работа оказывается, бесспорно, весьма полезной. Жаль только, что автор предпочитает ссылаться на просопографические справочники Кирхнера, Дейвиса, Трейла и др., а к непосредственным свидетельствам источников обращается значительно реже.

В VI главе (с. 315–406) полученный эмпирический материал по конкретным персоналиям подвергается обобщению и систематическому изучению. Проводится сопоставление перечня имен, прочитанных на острака, с другими перечнями имен, которые мы имеем для Афин того же времени (списками магистратов, атлетов – победителей на важнейших играх, богатых граждан, принадлежавших к литургическому классу, афинян, оставивших посвянительные надписи, и др.). Глава изобилует разного рода таблицами. К сожалению, у всех этих таблиц (равно как у таблиц в других частях книги, а также у каталога имен в главе V) есть один немаловажный недостаток. Все лица, фигурирующие на острака, даются в них недифференцированно, единым общим списком. С таблицами гораздо легче и продуктивнее можно было бы работать, если бы в них отдельно были сгруппированы сами «кандидаты» на изгнание, отдельно – их отцы, отдельно – иные имена, появляющиеся на «бюллетенях»<sup>17</sup>.

Резюмируя данные таблиц, Ш. Бренне получает итоги, которые, как нам кажется, были ясны и без трудоемкой работы по их составлению. Значительные совпадения имен на острака с именами архонтов наблюдаются для начала V в. до н.э., до реформы 487 г., когда архонтов начали избирать не голосованием, а жигурьевкой. Пересечения же с именами стратегов исключительно обильны на всем протяжении функционирования остракизма – именно этого и следовало ожидать. В то же время пересечений со списками различных казначеев практически нет: казначейские должности не имели непосредственного отношения к политической жизни. Что касается имен атлетов, то вначале совпадений с именами на острака довольно много (особенно среди победителей в колесничных состязаниях), но к концу V в. пересечения становятся все реже и, наконец, сходят на нет, что, несомненно, связано с изменением социальной функции атлетики<sup>18</sup>. Наибольшее количество пересечений обнаруживается между именами на острака и именами в любовных надписях на вазах (по формуле  $\acute{o}$   $\delta\epsilon\iota\nu\alpha$   $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ ). Эти последние относились к кругу симпосия и прилагались к юношам безусловно знатного происхождения.

В заключении (VII глава, с. 407–410) автор перечисляет результаты, достигнутые по ходу исследования, и формулирует итоговый вывод: почти все (за редкими исключениями) афиняне, упоминаемые на острака и, таким образом, подвергавшиеся опасности остракизма, принадлежали к слою политической элиты. Более того, связь следует вести даже не обо всем этом слое, а об еще более узком круге лиц внутри него, а именно, о прослойке родовой знати (Geburtsadel). Ее представители вызывали особенное недоверие у демоса и, соответственно, чаще всего рассматривались как потенциальные жертвы остракофорий.

VIII глава (с. 411–449) включает в себя ряд приложений, в том числе распределение афинян, упомянутых на острака, по филам и демам, индекс составных частей имен этих лиц и др.

Какая общая оценка может быть дана рецензируемой монографии? При ее чтении ошутимо, что книга представляет собой изданную диссертацию. Автор, похоже, стремился не столько прийти к действительно оригинальным выводам, сколько продемонстрировать свою ученость и эрудицию. Нет слов, ему это удалось: научный аппарат работы огромен. Примечаний – колоссальное количество, часто они занимают больше половины текста страницы. При этой скрупулезности, как ни парадоксально, Ш. Бренне не избежал некоторых странных небрежностей. Так, остракизм Гипербола он датирует до 416, то 415 г. до н.э. Обе даты приемлемы, но не в рамках же одной книги! Не унифицирована система сносок на исследовательскую литературу: заглавия работ то даются в примечаниях полностью, то идет отсылка по «кембриджской системе» к списку литературы. Кстати, сам этот список литературы (с. 451–466) мог бы быть значительно полнее.

Подведем итог. Рецензируемая монография Штефана Бренне, безусловно, окажется полезным подспорьем для специалистов, занимающихся аттической просопографией. В то же время для понимания института остракизма практически ничего нового она не дает. Мы ни в коем случае не утверждаем, что все теоретические положения общего характера, высказываемые в работе, тривиальны. И все же от столь фундаментального труда читатель был вправе ожидать большего.

*И. Е. Суриков*

<sup>17</sup> На нескольких острака имеется паппонимик (имя деда), на одном, возможно, матронимик (хотя вопрос этот спорный) и т.п.

<sup>18</sup> См. об этом: *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 111–116.